

В целом сборник прекрасно справляется с задачей показать читателю Москву, которую никак нельзя увидеть самому. Теперь гуляя по столице, краем глаза он сможет заметить потайные углы маленьких москвичей и москвичек, которые сейчас уже серьезные дяди и тети, занятые литературой. При описании прошлого Москвы авторы ненароком проговаривают очень интимные моменты из собственной биографии наряду с историческими анекдотами и фактами, что прячутся по архивам, делая «Москву: место встречи» неожиданно личной книгой. И потому, наверное, найдутся те, кому как раз не понравятся вздохи об утраченной молодости да о родном крылечке, перебирание незначительных деталей без монолитной картины советского прошлого, без современной Москвы. На это им может ответить один из авторов, Денис Драгунский: «Конечно, все это ерунда и мелочь. Но жизнь состоит не только из книг, поцелуев и слез. Она еще состоит из бубликов и брынзы. Моя, во всяком случае. И если вдруг взять и выдернуть из нее бублики с брынзой — уж не говорю про вид на Садовую с одиннадцатого этажа, — то все книги, поцелуи и слезы разлетятся в разные стороны».

Ирина ИВАНОВА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Анна Болава. Во тьму. Роман. Пер. с чеш. и прим. А. Агаповой.
СПб.: Симпозиум, 2018. — 312 с.**

«Я лечу сквозь пространство, выжженное наступающим летом, которое через час другой остынет под проливным дождем. Выдергиваю из волос ленту и несусь, выбрасывая во все стороны язык пламени. Мне хочется закрыть глаза и взлететь, но приходится держать себя в руках, ведь навстречу нет-нет да и попадают люди, и потом опять начнутся разговоры, что я веду себя неприлично. Простые смертные нашего городка никогда не поймут, чем живет вила». Вся книга — монолог *странной* женщины, вся которой жизнь подчинена сбору лечебных трав, превратившемуся в захватывающий процесс. Время действия — июнь, пик сезона, самое лучшее время, когда за пару дней расцветает все самое главное: липа, одуванчики, таволга, календула. И надо успеть посетить все заветные места и охватить красоту всех трав разом. Искусство сбора трав и обработки превращается в поэтическое действо. Но сбор трав — это и экстремальное, полное опасностей занятие, чреватое ушибами, ссадинами, занозами. Можно разбиться, ползая по скалам или утонуть в болоте. Донимают пчелы, мошки, клещи. Порезы и ожоги оставляют хвощ и крапива. Но собирая цветы и травы, Анна, смертельно больная женщина, не чувствует ни боли, ни головокружения. Ее душа полна чудом цветения. В этой книге ритм задают именно походы за травами и цветами (их именами названы главы) и чередующиеся с походами поездки в Прагу в пункт приема лекарственных растений. И хотя Анна ведет тщательный подсчет веса своей добычи и вырученных за нее денег («единственная прямая дорога к богатству ведет через сбор трав по-крупному»), не меркантильный интерес движет ею, а одержимость круговоротом цветов, бутонов, трав. В ее внутренний монолог укладываются текущие события, диалоги, ворох старых воспоминаний — экскурсии в детство, мысли о неудачном замужестве. Сбором трав она занимается с четырех лет. «Сбор трав, который заколдовал мою обычную, ничем не примечательную жизнь и изменил ее до неузнаваемости. Да-

вал ей смысл, а потом отнимал, переворачивал все с ног на голову и утешал в худшие минуты. Мой любимый сбор лекарственных трав». Именно он разрушил семью: свекор, баллотировавшийся в городские органы власти, требовал сидеть дома и никого не позорить. Муж? «Он любил меня. При этом вечно наступал на только-только зацветшую мелиссу и вместо белой яснотки рвал пурпурную». В конце концов «я проявила небывалую силу, вырвавшись из ловушки семейных отношений, и научилась жить одна». Действие разворачивается в благополучном южночешском городке, где все друг друга знают. Чтобы социально реабилитировать себя в глазах любопытных соседей, Анна работает переводчицей по договору. Внешние отношения для нее — досадная помеха, она не хочет иметь дело с людьми, от которых исходит, как ей кажется, угроза ее образу жизни, бежит от реальной жизни. Не замечает роман одной из двоюродных сестер, живущей по соседству с ней, внебрачную беременность другой. Она не пойдет на похороны свекра, скончавшегося — не без ее ли участия? — в доме престарелых. Но поспешит к старой липе, «царице», расколотой ударом молнии, и любовно укутает ее мертвое тело пестрым платком. Она не желает зла другим, но способна на недобрые поступки: накинуться с кулаками на доктора, готового отвезти ее в больницу; промолчать, увидев опасного клеща, присосавшегося к спине не раз обманывавшего ее приемщика трав. Но неожиданно для себя, раз за разом, она делает открытия, что люди намного добрее, чем это ей кажется. Даже старый Томан, под окном которого росла любимая «царица»-липа, на самом деле смотрел на нее не с осуждением, а нетерпеливо ждал ее прихода: успеет или нет она собрать липовый цвет. И многие, кого она считала недоброжелателями, оказываются хорошими людьми: двоюродные сестры, велосипедный мастер, приемщик Руда. Анна восстанет против темной стороны своей природы, острижет волосы, попытается наладить контакты с сестрой. «Я больше не вила. Глупое эфемерное создание, падкое до некоторых трав». Но вернуться в мир людей ей уже не удастся. Цена за бегство от людей, от реальности? Фантастическое начало, ощущение присутствия потустороннего — неотъемлемая часть сюжета. В чешском фольклоре, а также в фольклоре южных славян вилы — мифологические существа, их чаще всего представляют как прекрасных девушек с длинными распущенными волосами, в которых и скрыта их сила. Подробно о вилах сказано в примечаниях, и если это описание наложить на сюжет романа, многие события книги приобретут еще одно измерение. Книга имеет особое напряжение, повествование похоже на загадку, и ключ к ней должен найти сам читатель. Причины катастрофы, к которой идет главная героиня, так любящая распускать и просушивать волосы, таятся в намеках, в отдельных фразах. За эту книгу Анна Болава в 2016 году была удостоена престижной чешской литературной премии «Магнезия литера». Жюри отметило, что Болава предстает здесь как «замечательный стилист, способный удержать темп повествования и читательское внимание». Переводчик А. Агапова в русской версии романа сохранила авторский стиль: сочетание метафор и поэтических образов с разговорными и грубо-просторечными выражениями.

Максим Осипов. 101-й километр. Очерки из провинциальной жизни.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. — 168 с.

В провинциальном городе N, месте действия очерков, без труда, по отсылкам — Цветаева, Паустовский, Борисов-Мусатов — угадывается Таруса. Сюда, на 101-й километр от Москвы, и в советские, и в досоветские времена ссылали, как когда-то прадеда автора. А врач Максим Осипов подался из Москвы в Тарусу добровольно. Кандидат медицинских наук, работавший и в московских научно-исследовательских и учебных

медицинских институтах, и в Калифорнийском университете в Сан-Франциско, устроился кардиологом в местную больницу и попытался приблизить ее к современным западным медицинским стандартам. Наблюдения за причудами провинциального бытия переросли в очерки. Больничная и околособольничная жизнь протекает в мелькании лиц, характеров, событий. Первой пациенткой стала старушка, которая в письме в Кремль пожаловалась Путину на плохое лечение, на бедность и одиночество. Ее сочли поврежденной умом. «Я равнодушным, сколько мог, тоном сообщил ей, что меня прислал Владимир Владимирович, и велел раздеваться... Старушка оказалась не сумасшедшей, а больной и нелеченой». Врач выдал ей свои деньги на выписанные им лекарства, сказав, что «Владимир Владимирович просил передать вам сто пятьдесят рублей». Потом она их вернула. Жизнь врача — это множество встреч, и каждый пациент единичен и представляет какую-то свою Россию. Многолетний опыт позволил М. Осипову вывести некую общую формулу отношения среднестатистического жителя к своему здоровью. «Бог дал — Бог взял, девять дней, сорок». Он не раз убеждался, что больные не хотят и не способны выполнять даже самые элементарные предписания врачей. «Первое и самое ужасное: у больных, да и у многих врачей, сильнее всего выражены два чувства — страх смерти и нелюбовь к жизни. Обдумывать будущее не хотят: пусть все остается по-старому... По праздникам веселятся, пьют, поют песни, но если заглянуть им в глаза, то никакого веселья вы там не найдете. Критический аортальный стеноз, надо делать операцию или не надо лежать в больнице. — Что же мне — умирать? — Ну да, получается, что умирать. Нет, умирать не хочет, но и ехать в областной центр, добиваться, суетиться — тоже». Беспощадная реальность порождает вопросы, на которые нет ответа. «Власть поделена между деньгами и алкоголем, то есть между двумя воплощениями Ничего, пустоты, смерти. Многим кажется, что проблемы можно решить с помощью денег, это почти никогда неверно. Как с их помощью пробудить интерес к жизни, к любви?» Действительно — как? М. Осипов пишет и о том, как на самом деле функционирует наша система здравоохранения, о пороках медицинского законодательства, о проблемах современной медицины. Особенность авторской позиции состоит в том, что он выступает деятелем, а не только рефлектирующим наблюдателем. В очерке «Непасхальная радость» рассказывается нашумевшая в 2009 году история борьбы провинциальных врачей с местной администрацией, когда после открытия в тарусской больнице нового кардиологического отделения без объяснения причин уволили главврача, а персонал обвинили в расхищении спонсорских денег. На борьбу с Городничим подняли прессу, Интернет, московских коллег. Главврача, которая «давала возможность лечить больных», восстановили. «Надо победить — от результата, именно результата, не от процесса, не от того, какими молодцами мы себя покажем, — будет зависеть дальнейшая жизнь», — делает вывод рассказчик. События и размышления нахлестываются одно на другое. М. Осипов дает выразительные характеристики различных социальных слоев провинциального городка. Маленькие чиновники как «венец эволюции — особый биологический вид, совершенно равнодушный к наличию в жизни содержания». Большие начальники, любящие говорить о себе в третьем лице. Сила, которую принимает всерьез и большое начальство — бандиты. «Помощь бандитов в решении любых задач — главное искушение нашего времени... Очень милая пожилая дама советует мне обратиться за деньгами к богатому мужику: „Он уже не бандит, ну, может, когда-то был...“» Его дети учатся в Оксфорде, библиотеке занавесочки подарил. Осипов — человек глубоко верующий, и его огорчает, что роль Церкви в жизни больных и больницы ничтожна. «Нет даже внешних атрибутов благочестия, вроде иконок на тумбочках. Все, однако, крещеные, у всех на шее крестики». Он не раз цитирует Евангелие, а еще — органично перекликается в тексте, проводит параллели

с Чеховым, Гоголем, Л. Толстым, Солженицыным. Хороша ли жизнь в провинциальном городе? Да, если есть чем заняться. Для М. Осипова провинция — дом теплый, пусть грязноватый, но свой. Много тяжелого, страшного, но, «к счастью, содержание нашей провинциальной жизни совсем в ином. Много единичного, трогательного». Здесь люди терпимее, добрее. Здесь замечательные «тетки», работницы ЖКХ, за пятнадцать минут решили недоступный для градоначальника вопрос о захоронении матери врача на старом кладбище. Здесь предприниматель в память о своей бабушке анонимно дает деньги на больницу. И есть уважение к книгам, знанию, опыту жизни в большом мире, но нет зависти. И свобода помочь многим людям без препятствий со стороны администрации. М. Осипов фиксирует и перемены, которые произошли с 2006-го по 2017 год в городке. «В отличие от государства жители города начали уважать частную жизнь. Пьют меньше, совсем перестали дарить самогон. Курят тоже поменьше, осторожней водят машины — лихачи образумились или погибли, детей стали бить много реже — город N, несмотря ни на что, движется в сторону Запада, и гораздо быстрее Москвы». Осипова часто сравнивают с Чеховым. Даже условное «N» в маркировке города соотносится с классическим «уездным городом N», а деятельность самого автора вполне укладывается в канонический образ врача-интеллигента, ставшего к тому же создателем ярких, реалистических очерков о жизни провинциального городка.

Таисия Вечерина, Лола Звонарёва. Труды и дни Риммы Казаковой: «Отечество, работа и любовь...». М.: Academia, ИЦ «Вест-Консалтинг», 2018. — 344 с., ил.

О поэтах-современниках Риммы Казаковой — Андрее Вознесенском, Евгении Евтушенко, Булате Окуджаве, Белле Ахмадулиной — выпущено немало монографий и биографических исследований, о ней самой сказано пока недостаточно. Авторы книги — люди компетентные и неравнодушные. Таисия Вечерина была однокурсницей Р. Казаковой и всю жизнь ее подругой. Литературоведа Лолу Звонарёву связывала с поэтом многолетняя совместная работа в Союзе писателей Москвы. Авторам удалось главное: показать масштаб личности человека, созидательная энергия которого всегда находила выход, какое бы время ни стояло на дворе. Римма Казакова (1932—2008) родилась в семье военного, и раннее детство ее прошло в Белоруссии. В 90-е годы она вспоминала: «Мы жили в военном гарнизоне, это был мой первый мир, и красноармейцы были первыми людьми этого мира». В школу она пошла уже в Ленинграде, в 1941 году семья успела эвакуироваться и после войны снова вернулась в город на Неве. По окончании школы Римма поступила в ЛГУ на исторический факультет. После защиты диплома Казакова попросила направить ее на Дальний Восток. Семь лет она работала лектором общества «Знание» при Хабаровском Доме офицеров, объездила с лекциями все Охотское побережье. В Хабаровске в 1955 году впервые были опубликованы в периодике ее стихи, а в 1958 году вышел первый сборник ее стихов «Встретимся на Востоке». Посетивший Хабаровск Н. Доризо помог начинающей поэтессе опубликовать ее стихи в «Литературной газете». Ее наставниками стали М. Светлов, Я. Смеляков, М. Луконин, С. Орлов, М. Дудин, А. Твардовский, К. Симонов. Корифеи отечественной поэзии, поэты-фронтовики пестовали молодежь, потом и сама Казакова будет всю жизнь помогать молодым авторам. Во время поездки на Всесоюзную поэтическую дискуссию в Ленинград (1959 год) Казакова встретила со своими уже знаменитыми сверстниками, теми, кого назовут позднее шестидесятниками. Вместе с ними она примет участие в съемках фильма М. Хуциева «Застава Ильича». Ее отношениям с плеядой знаменитых

современников, старших и ровесников, посвящены отдельные главы. Р. Казакова неотделима от поэтического поколения шестидесятников, но все-таки дистанцировалась от них: «Пускай они живут сами по себе. У меня нет ни званий, ни наград, но я понимаю, что у меня есть свой читатель. А это самое главное». Подготовка к печати второй книги стихов и замужество с писателем-деревенщиком Г. Радовым навсегда связали ее с Москвой. В 1968 году начался раскол интеллигенции, позиция Казаковой подробно освещена в книге. Она не была диссидентом, но и с официальной линией расходилась. Так, прочитанное во время поездки на Украину (1969 год) стихотворение «Смогли без Бога — сможем без вождя. / Вожди, вожди! Народец ненадежный / Гадай: какая там под хвост вожжа, / куда опять натягивают вожжи...», заканчивающееся строфой «Я, может, и не так еще живу, / но верю в совесть, / по ее закону / я больше лба себе не расшибу / ни об одну державную икону», принесло ей неприятности. Дерзкой могла быть советская молодежь. В 1976—1981 годах Казакова была секретарем правления Союза писателей, вступила в ряды КПСС, по долгу службы принимала участие в обсуждении крамольного выпуска «Метрополя». «Мы честно пытались разобраться с альманахом с точки зрения литературы. Это мусор, а не литература, что-то близкое к графомании». Позднее она покалась, что принимала участие в обсуждении, но... «От высказанного мною на этом обсуждении не отказываюсь». Она оставалась в стороне от диссидентского движения. У нее были другие задачи: она проводила пушкинские праздники поэзии, возглавляла писательские поездки на Дни литературы, помогала выходу книг молодых поэтов, участвовала в многочисленных писательских встречах с зарубежными литераторами, писала стихи и переводила. Она не боялась плыть против течения и быть неугодной начальству. В 1981 году, по ее словам, «из секретарей Союза писателей СССР меня выгнали». Она не знала подлинных причин отставки. Тяжело переживала, но «для литературы я была таким жестоким и неординарным способом спасена». Поддержал и Л. Латынин: «Из поэтов не выгонят». История жизни поэта Р. Казаковой неотделима от жизни страны. Приняв перестройку, она, дочь военного комиссара, не рушила «старую» советскую жизнь, не осуждала поколение отцов, не развенчивала героизм великой войны. Как и у многих в то время, у нее были и романтические надежды, и разочарования. «Все отдали. Германию, СЭВ, Варшавский блок. Все промотали, что в наследство от Победы осталось», — сокрушалась она. Посвятившая много сил установлению литературных связей, она была в отчаянии от межнациональных конфликтов; автор стихов к популярным песням («Ты меня любишь», «Мадонна», «Ненаглядный мой») возмущалась бездарностью новых песенных текстов; как писателя ее тревожило, что издательское дело стало коммерческим. Она осознала: возврат к капитализму не сулил ничего хорошего, с материальной нищетой приходит духовная. В 1999 году она была избрана первым секретарем Союза писателей Москвы, и все последние десять лет жизни поддерживала молодых и пожилых писателей, боролась за выживание литературы. В книге много личного. Неудачи семейной жизни, трагическая судьба сына. В одном из писем она признавалась: «Личная жизнь? Она была пестрая и трудная», «Всегда мечтала об одной настоящей любви на всю жизнь. Но так и не получилось». В лирике Казаковой отражены любовные переживания женщин всех возрастов. Отрывки из ее писем, интервью, документы из архивов и, конечно, стихи самой Казаковой, ее переклички с другими поэтами, отзывы поэтов и писателей о творчестве Казаковой делают насыщенный фактами текст живым, создают объемный образ поэта-лирика и поэта-гражданина, самобытного человека с сильным характером.

**Франко Кардини. Европа и ислам. История непонимания. Пер. с итал.
СПб.: Александрия, 2016. — 336 с. — Серия «Становление Европы».**

В этой книге нет ответов на жгучие вопросы современности. Известный итальянский историк Франко Кардини исследует отношения между христианской Европой и исламским миром прошедших эпох: в Средневековье и в меньшей степени в Новое время. Конкретные исторические события он описывает в строгой хронологической последовательности, ведя отсчет от VII века и концентрируя внимание читателя на значимых моментах: Пиренеи, крестовые походы, Иерусалим, Малая Азия, островные государства, Османская империя. Ф. Кардини ограничивает пространство Средиземноморьем, что объяснимо: с Пиренейского полуострова началось пришествие мусульман в Европу, именно со странами Средиземноморья мусульмане довольно быстро вступили в контакт и затем поддерживали и развивали установившиеся отношения. В этих отношениях было много трагического, кровавого, но куда более распространенными, чем это принято считать, хотя далеко не простыми были деловые и культурные связи между Европой и миром ислама. Оживленный товарооборот завязался с XI—XII веков, экономическое и культурное сближение Европы и ислама в XIII веке дало толчок экономическому, финансовому, техническому, научному и интеллектуальному прогрессу, и это столетие стало одним из самых просвещенных и благополучных в истории средиземноморских областей Европы. Пожалуй, главное, что делает Кардини: он разрушает устойчивую европейскую тенденцию видеть в исламском мире очень давнего потенциального противника, и только противника. На протяжении тысячелетия ситуация менялась не раз. Да, были войны, вооруженные конфликты. Но часто христиане и мусульмане сражались на одной стороне, против такого же смешанного или религиозно единого врага. Не раз и не два, показывает Кардини, иноверцев использовали в своих внутренних дрязгах, в борьбе за пространство, за выживание государи из обоих лагерей. Христиане и мусульмане вели между собой сложные переговоры, плели интриги, заключали союзы. Так было и при верховенстве в исламском мире Средиземноморья арабов, так оставалось и при владычестве османов. Религиозная составляющая долгое время не имела значения: неоднородным был как христианский, так и исламский мир. Только в XI веке в связи с угрозой со стороны мусульманских корсаров в столкновениях начал проявляться религиозный аспект. И если сегодня количество новообращенных мусульман в Европе уже исчисляется сотнями тысяч, то, как показывает Кардини, «стать турком» (то есть принять ислам) было «в XVI—XVIII веках одной из констант истории Европы и Средиземноморья». Привлекала религиозная терпимость мусульман, отсутствующая у западных христиан. В Европе каждый, кто проявлял излишнее свободомыслие в вопросах религии, мог оказаться на костре, а жестокие турки, сдиравшие кожу с врагов или сажавшие их на кол, позволяли сколько угодно молиться Богу Авраама в обмен на подчинение или небольшой налог, не разрушали христианские святыни. Перед падением Константинополя многие его жители и священнослужители открыто заявляли, что «османский тюрбан» лучше «папской тиары»: мусульмане дали бы христианам статус защищенных властью и имеющих свободу вероисповедания, а латинская церковь полностью лишила бы их этого. В мусульманском обществе даже тот, кто родился в семье калабарийского рыбака или албанского горца, мог стать монархом или адмиралом, по стечению обстоятельств даже раб мог занять государственную должность. К концу XVII века вероотступники сформировали верхние эшелоны османского общества, и только во второй половине XVIII века, с упадком Османской империи, вероотступничество пошло на убыль. Сред-

невековая Европа, «Земля вандалов», как называли ее арабы в VII веке, многое заимствовала у мусульман. Именно от них в Европу пришли произведения античных авторов, рождением своей науки в области медицины, математики, астрономии, географии, картографии европейцы обязаны именно трудам, пришедшим к ним из мусульманского мира. Кардини показывает, как Восток проникал в европейскую музыку и поэзию, в изобразительное искусство и быт. Отношение европейцев-христиан к мусульманскому миру не всегда сводилось к «образу врага». В средневековых рыцарских романах подчеркивалось благородство и великодушие врагов-сарацин. Точку зрения об особой агрессивности ислама никогда не разделяли мирно настроенные религиозные деятели и ученые. Варварами мусульмане стали в XIV—XV веках, когда возникла турецкая угроза, заставшая европейцев врасплох. Турок объявили потомками скифов (не греков же благородных). Потребовалось «подправить» и старинные эпосы. Так, миф о незначительной битве при Пуатье, не остановившей продвижение мусульман, в коллективной памяти европейцев дополнительно получил религиозную окраску. А миф о Роланде, убитом, кстати, не мусульманами, а христианами — басками и гасконцами, стал символом векового и извечного поединка между христианами и мусульманами. В этой книге нет ответов на жгучие вопросы современности. Подзаголовок «История непонимания» можно было бы заменить на «историю незнания», лакуны в которой и ликвидирует автор.

Князь В. М. Голицын и московское городское самоуправление. М.: Русский Мирь, 2018. — 384 с.: ил. — (Большая Московская Библиотека. Краеведение).

Князь Владимир Михайлович Голицын (1847—1932) — самый успешный градоначальник за всю историю Москвы. Выборную должность московского городского главы он занимал с 1897-го по 1905 год, успев до этого побывать и московским вице-губернатором, и губернатором. При нем в Москве на рубеже XIX и XX веков были введены в строй первые электростанции и первая телефонная станция, водозаборные сооружения. Построены четыре новых вокзала: Курский, Павелецкий, Рижский и Савеловский. Он организовал скупку городом частных линий конок, замененных впоследствии единой сетью трамвайных маршрутов. «Дал» городу газовое освещение и систему канализации. При нем городской бюджет стал бездефицитным. Его объявили почетным гражданином города Москвы, всего до революции удостоенных этого звания было двенадцать человек. Историк и писатель Игорь Шумейко подробно рассказывает о грандиозных реформах В. М. Голицына, о его политических взглядах (вопреки тенденции от либеральных взглядов в молодости переходить на консервативные позиции, он из консерватора стал либералом и оставался таким до конца своих дней) и о судьбе главного героя книги. В 1904 году В. Голицын и думские оппозиционеры обратились к царю с демократическими требованиями свобод совести, вероисповедания, слова, печати, собраний и союзов, а уже в 1905 году В. Голицын, поняв, что не может справиться с ситуацией, подал в отставку, но продолжал заниматься общественной деятельностью. После революции 1917 года остался в России, семью выслали в Дмитров. Много страниц посвящено московскому городскому самоуправлению со времен Ивана Калиты до рубежа XIX—XX веков. Формы самоорганизации москвичей были разные — слободы, купеческие сотни, а в XVIII веке появилась выборная должность городского головы, которому отводилась роль председателя в собраниях по выбору городских депутатов в Уложенную комиссию для обсуждения законодательных инициатив Екатерины II. После закрытия комиссии задачи городского голо-

вы перешли в сферу управления городским хозяйством. На протяжении XVIII — начала XX века полномочия и функции по управлению Москвой неоднократно перераспределялись между вице-губернаторами, губернаторами, генерал-губернаторами, назначаемыми непосредственно императором, и выборными московскими городскими головами. В последние десятилетия Российской империи городское хозяйство Москвы управлялось московским городским головой, Городской управой и Московской городской думой — ближайшими аналогами нынешних мэра, правительства Москвы и Мосгордумы. В книге И. Шумейко представлена галерея московских городских глав второй половины XIX века: характеры, нравы, деяния. Почти половину книги занимает рассказ о роде Голицыных, явившемся на Русь в 1408 году. Внук Гедимины Великого, основателя крупнейшей державы средневековой Европы, вместе с домочадцами, прислугой и крестьянами перебрался в слабую, значительно уступавшую Литовской Руси по территории, населению, богатству и военной мощи, но единоверную страну. В Литве утверждалось католичество, и он выбрал службу русскому православному царю. Родоначальником фамилии стал один из его потомков, потерявший кисть руки во время сражения и прилаживавший к руке стальную рукавицу, голицу. За шестьсот лет Голицыны прославились практически во всех возможных сферах деятельности. Среди них были воеводы, фельдмаршалы, генерал-губернаторы, дипломаты. Со второй трети XIX века все более стали появляться в роду ученые, писатели, музыканты, администраторы, художники. Создателем Москвы, как мы ее знаем сегодня, можно назвать не только Владимира Голицына, но и светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына, восстанавливавшего Москву после пожара 1812 года. Благодаря ему на месте пустырей, обгорелых развалин, рвов и болот появились сады и бульвары, построен Большой театр, приведена в порядок Красная площадь, отделен от лавок собор Василия Блаженного, наведен Москворецкий мост. Безобразные улицы превратились в красивейшие: Кузнецкий мост, Лубянка, Дмитровка, Тверская площадь... История рода Голицыных оборачивается под пером И. Шумейко в многоцветную историю нашей страны. Династия Голицыных могла погибнуть в период Смуты, как погибли вслед за Рюриковичами почти все главные боярские династии: Шуйские, Годуновы, Воротынские, Бельские, Мстиславские. Мужская линия князей Голицыных в то время держалась только на одном человеке, князе Андрее Андреевиче, его потомство по мужской линии сохранилось и по сей день. В настоящее время Голицыны являются самым древним и многочисленным дворянским родом России. В 1917 году герой книги, князь Владимир Михайлович Голицын, являвшийся старейшиной рода, объявил: нужно оставаться в России и продолжать служить ей на всех остающихся возможных поприщах, — и большинство осталось. Это многоплановая книга, далеко уходящая от темы, заявленной в названии: емкая история России, Москвы, рода Голицыных; судьбы конкретных людей, не только исторических личностей, но и наших современников, ибо Голицыны и в советской, и в современной России продолжали служить и служат избранной когда-то их далеким предком стране. В книге много парадоксальных суждений, уточняющих и «поправляющих» историю фактов. Использованы документы из государственных архивов и фамильного архива князей Голицыных, многие впервые.

Леонид Амирханов, Владимир Ткаченко. Форти и батареи Кронштадта.
СПб.: Остров, 2019. — 112 с.: ил.

Это книга — подробное повествование об уникальном наследии, оставленном нам нашими предками. Нигде в мире морская крепость не создавалась в столь неблагоприятных климатических условиях — наводнения и ледоходы. По сути, Кронштадт,

город-крепость на острове Котлин в Финском заливе, — ровесник Петербурга. Уже в октябре 1703 года Петр I лично ходил на боте в море исследовать отмель у южного берега острова Котлин. Рядом проходил глубоководный фарватер, который следовало закрыть для врага. Модель первого форта император изготовил лично и, уезжая в Воронеж строить флот, передал модель А. Меншикову со строгим наказом: к маю 1704 года фортеции быть! К маю 1704 года форт был готов, 7 мая его посетил Петр I. В тот же день первый форт Кронштадта получил название «Кроншлот» — «Коронный замок». И тогда же появилась инструкция Петра I: «Содержать сию цитадель с Божию помощью аще случится хотя до последнего человека». Уже в июле 1704 года форт вступил в бой со шведской эскадрой. На Котлине построили еще несколько батарей, и только в 1723 году заложили центральную ограду крепости. Позднее в Кронштадте родилась присказка «Кронштадт — замок на воротах Петербурга, а ключ к тому замку — форт Кроншлот». Уникальность крепости и в том, что все островные форты — а их несколько десятков — построены на искусственных островах. При их возведении применяли старинную русскую технологию, восходящую к Змиевым валам древних руссов. На льду из бревен диаметром тридцать-сорок сантиметров рубили срубы-ряжи (без окон и крыши, но с дном). Ряж стлели в полынь и загружали камнями, под весом которых он прочно вставал на дно. На составленном из таких срубов-ряжей основании возводили форты крепости. Сосновые бревна под водой, без доступа воздуха не гнили, а смола со временем приобретала прочность камня. Сменялись эпохи, росла мощь артиллерии, но даже Обручев и Тотлебен, построенные в начале XX века, до сих пор стоят на ряжевом основании. В течение трех столетий, вплоть до 1950-х годов, появлялись новые крепостные сооружения, перестраивались, перевооружались и совершенствовались старые. В Кронштадте запечатлена история фортификации — вечное противостояние ядра и камня, затем снаряда и брони. Наши предки строили на века и ценили красоту. В XIX веке и старые, и новые постройки облицовывали гранитом. Распространенный в Петербурге стиль северного модерна придавал утилитарным строениям вид прекрасных замков, остатки прежнего величия и сейчас поражают своим «новым» видом. История Кронштадта — это и важная часть истории России. Крепость выполнила свою задачу в начале XVIII века, когда солдаты полковника Толобухина отбивали шведские десанты, и в 1854—1855 годах, когда англо-французский флот при виде грозных фортов не решился атаковать Кронштадт. Новые бетонные и железобетонные морские форты, созданные в канун Первой мировой войны, надежно «заперли» подходы к столице России. С ареста коммунистов в форте Ино начался Кронштадтский мятеж, форт Александровский (Риф) стал последним убежищем восставших. В годы Великой Отечественной войны именно кронштадтская артиллерия спасла Ленинград. С фортов Тотлебен и Обручев велся обстрел северного берега Финского залива, с форта Константин обстреливали батареи противника на южном берегу и самолеты Люфтваффе. Свое наследие мы сберегли плохо. Многие форты исключили из списков оборонительных сооружений в 1896 году, но, поменяв назначение, они продолжали использоваться и содержались в порядке. Так, в форте Император Александр I располагалась лаборатория по выработке противочумной вакцины, где работали выдающиеся врачи. Форт переименовали в Чумной. В самом большом островном форте крепости Рисбанк (Император Павел I) сначала разместили морскую следственную тюрьму, а затем склад минного имущества, что и стало причиной гибели форта: взрывы мин в 1919 и 1923 годах фактически уничтожали его. Ситуация ухудшилась в 1960-х годах, когда военные оставили многие форты. Так, был разграблен работниками Вторчермета форт Константин, долгие годы служивший полигоном для испытаний новейших морской фортификации. Временем тотального разграбления стали 90-е годы

XX века. Леонид Амирханов и Владимир Ткаченко, специалисты в области военной истории, словно следуя завету А. Ахматовой «хотелось бы всех поименно назвать», детально восстанавливают историю каждого форта, а эта история насчитывает иной раз даже не десятилетия, а века. Строители, проектировщики, орудия, назначения, роль в истории страны, судьба... О фортах Кронштадта авторы писали и раньше. Но в эту книгу вошли дополнения, рассказывающие о менее мощных сооружениях, но от этого не менее ценных: редут «Ден», люнет «Политковский», батареи «Граббе», «Меншиков», «Литке»... Добавлены новые материалы из архивов Петербурга. И это книга надежд. После долгих лет запустения взяты в аренду форты Константин, Александровский (Риф), Граф Милютин, Северные № 3 и № 7, форты Император Александр I и Кроншлот. Некоторые батареи на Котлине переданы парку «Патриот», который создается в Кронштадте. Ситуация меняется, но слишком многие форты по-прежнему пребывают в запустении и ждут рачительных хозяев. В книге много фотографий, архивных и современных.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)